

0-775699

Томский государственный университет

На правах рукописи

Бондарь Оксана Петровна

Историософия Вячеслава Иванова

Специальность 07.00.09. — историография, источниковедение и
методы исторического исследования.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2001

Работа выполнена на кафедре истории Древнего мира и средних веков
Томского государственного университета

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
доцент В.С. Гурьев

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Л.Г. Сухотина

кандидат исторических наук,
доцент Е.И. Кириленко

Ведущая организация: Омский государственный университет
(кафедра всеобщей истории)

Защита состоится 19 октября 2001 г. на заседании диссертационного совета Д.063.53.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальностям: 07.00.02 — Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история нового и новейшего времени, 07.00.09 — Историкография, источниковедение и методы исторического исследования при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина 36).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ТГУ.
Автореферат разослан « 17 » сентября 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

В.П. Зиновьев

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000526848

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Серебряный век всегда привлекал внимание исследователей, но постсоветское время отмечено поистине небывалым всплеском интереса к этому периоду. Среди «возвращенных имен» было и имя Вячеслава Иванова, одного из самых ярких представителей своего времени.

Будучи символистом, Иванов был не только поэтом, но и философом — как известно, особенностью символизма является органическое сочетание литературно-художественных и религиозно-философских интенций. И, если говорить о восстановлении целостного образа Серебряного века, то одной из важных задач будет восстановление историко-философских систем представителей символизма.

Вместе с тем, по разным причинам Иванов-мыслитель долгое время был известен только узкому кругу исследователей. Наверное, не будет преувеличением сказать, что имя Вячеслава Иванова еще и сегодня часто воспринимается неадекватно его действительному масштабу и значению.

Попытка рассмотреть некоторые историко-философские аспекты творчества Иванова, предпринятая в данной работе, позволяет в какой-то мере воссоздать духовный портрет мыслителя, поскольку именно историософия оказывается средоточием многих существенных линий в творчестве Вяч. Иванова и позволяет рассматривать последнее в его единстве.

Учитывая, что славянофилы и Вл. Соловьев были духовными учителями Вяч. Иванова, вполне естественно, что его взгляд на историю будет религиозным. Ведущие мотивы христианской историософии легко прослеживаются, но в то же время сказать, что Иванов полностью находился в русле христианской историософии, нельзя. Внешнее сходство основных элементов его теории с основными элементами христианской философии истории совсем не означает полного совпадения.

Оперируя такими понятиями, как «соборность», «выбор между добром и злом», «восхождение человека к Богу», «народбогоносец», «Богочеловеческий процесс» и др., Иванов в то же

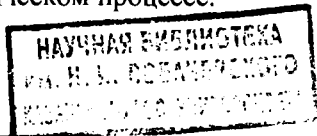
время пристально сосредотачивается на проблемах культуры и Памяти, говорит об особой роли искусства, о мистических переживаниях как условии возрождения истинной религиозной жизни. В качестве ключевых тем историософских рассуждений Иванова можно назвать такие темы, как: культура и свобода, Память, миф, религия Диониса, сгруппированные вокруг магистральной для его творчества темы соборности.

Другими словами, соглашаясь с традиционным пониманием целей исторического процесса, Иванов предлагает свои пути их достижения.

Характерная для Вяч. Иванова некоторая удаленность от сиюминутных проблем никогда не способствовала широкой популярности мыслителя. Но, пожалуй, именно постоянное стремление к решению вечных вопросов и делает Иванова актуальным сегодня. Его творчество «отвечает, соответствует интересу и стремлениям тех, кто находится в поиске определенного религиозного и вообще духовного опыта, потому что питается теми же стремлениями»¹.

Цели и задачи исследования. Формулируя цель работы как анализ историософии Вячеслава Иванова, в качестве задач исследования необходимо выделить следующие:

- рассмотреть представления Вяч. Иванова о причинах и характере общественно-культурного кризиса рубежа веков;
- рассмотреть основные положения Вяч. Иванова, составляющие своеобразие его понимания исторического процесса;
- отметить понимание Вяч. Ивановым места и роли России в мировом историческом процессе.

¹ Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 196.

Степень изученности темы. Относительно недавнее «открытие» Вяч. Иванова, состоявшееся в середине 1970-х гг. и во многом связанное с изданием собрания его сочинений², объясняет достаточно высокий интерес к его творчеству как отечественных, так и зарубежных исследователей.

В некотором смысле уникальным в своей изолированности можно назвать вышедший в 1976 году томик избранных стихов Вяч. Иванова с подробным предисловием С.С. Аверинцева³.

Действительное же возвращение Вяч. Иванова в Россию начинается в постсоветский период; в это время параллельно идет процесс открытия наследия Вяч. Иванова и собственно освоение этого наследия. Можно выделить три основных направления публикаций, связанных с возвращением Иванова. В первую очередь, это работы самого Вячеслава Иванова — статьи⁴, стихотворные сборники⁵, переводы греческих трагедий⁶, его научный труд «Дионис и прадионисийство»⁷. Качество публикаций самое разное, однако важно то, что тексты Иванова стали доступны широкому кругу читателей.

Второй круг публикаций интересен тем, что представляет собой своего рода попытку осмыслить роль и место Вяч. Иванова в российской не только поэтической, но и культурно-философской традиции, хотя в этом случае в центре внимания исследований находится не столько фигура самого Иванова, сколько проблема, к которой он имеет отношение. В качестве

² Иванов Вяч. И. Собр. сочинений. Т.1-4. Брюссель, 1971, 1975, 1980, 1987.

³ Иванов Вяч. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.

⁴ Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.

Иванов Вяч. Лик и личины России: эстетика и литературная теория. М., 1995.

⁵ Иванов Вяч. Эрос. Репринт. Воспроизведение изд. 1907 г. М., 1991.

Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. В 2-х кн. СПб., 1995.

⁶ Эсхил. Трагедии в переводе Вяч. Иванова. М.: Наука, 1989.

⁷ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.

примера можно назвать работы Л.Е. Шапошникова⁸, Ю. Асояна и А. Малафеева⁹.

«Круг третий» составляют работы исследователей, достаточно давно изучающих творчество Иванова и только теперь получивших возможность публиковаться. К числу таких исследователей относится Н.Вс. Котрелев, занимающийся изучением творчества и архивами Вячеслава Иванова еще с середины шестидесятых годов, Г.В. Обатнин, которому мы также обязаны публикацией многочисленных архивных материалов и недавно вышедшей книгой¹⁰, Андрей Шишкин, в настоящее время ведающий Римским архивом Вяч. Иванова.

Среди западных исследователей следует особо выделить авторов монографий, посвященных Вяч. Иванову — Михаила Вахтеля¹¹, Памелу Дэвидсон¹², Джеймса Веста¹³.

Исследования, посвященные Вяч. Иванову, в силу разных причин, как правило, либо обращены к какой-либо одной теме в творчестве Иванова, либо все творчество Иванова рассматривается как часть целого (это, в первую очередь, относится к работам, посвященным русскому символизму). Многоликость Вячеслава Иванова позволяет исследователям выделить какой-либо один аспект его творчества и успешно заниматься его изучением.

Некоторые отдельные сюжеты, составляющие понимание историософии Вяч. Иванова, рассматривались в работах отечественных и зарубежных исследователей, но эти работы концентрируются вокруг отдельных ракурсов историософии Вяч. Иванова, не давая ее общей картины.

⁸ Шапошников Л.Е. Философия соборности: Очерки русского самосознания. — СПб., 1996.

⁹ Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). — М.: ОГИ, 2000.

¹⁰ Обатнин Г. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919)). — М.: Новое литературное обозрение, 2000.

¹¹ Wachtel Michael. Russian symbolism and literary tradition: Goete, Novalis, and the poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1995.

¹² Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russ. symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989.

¹³ West James. Russian symbolism. A study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist aesthetic. London, 1970.

В этой связи необходимо отметить работу Л.Е. Шапошникова. В книге представлен краткий очерк взглядов Вяч. Иванова, касающихся его подхода к проблеме соборности. Автор признает своеобразие позиции мыслителя и полагает, что «Вячеслав Иванов подводит своеобразный итог разработки проблем соборности в отечественной философии «серебряного века»¹⁴.

Следует назвать и упомянутую выше книгу Ю. Асояна и А. Малафеева¹⁵. В главе, посвященной Вяч. Иванову, исследователи обращаются к знаменитой *Перепишке из двух углов*. Зарубежные исследователи также не обошли своим вниманием *Перепишку*. Заслуживают отдельного упоминания исследования Роберта Л. Джексона¹⁶ и Кирилла Фотиева¹⁷. Объединяет их пристальное внимание к проблеме культурной преемственности, живой памяти и религиозного смысла культуры.

Античность и религия Диониса — это направление мысли Иванова также занимает исследователей, но на этот раз по большей части зарубежных¹⁸. Исследователей интересуют не только понимание Вяч. Ивановым религии Диониса и его расхождение по этому вопросу с Ницше, но и причины обращения Иванова к исследованию религии Диониса, и отношение к античности и истории вообще.

Однако, несмотря на относительную разработанность отдельных сюжетов, о систематичном анализе историософии Вяч. Иванова в

¹⁴ Шапошников Л.Е. Философия соборности: Очерки русского самосознания. — СПб., 1996. С. 129.

¹⁵ Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). М.: ОГИ, 2000.

¹⁶ Jackson Robert. Ivanov's Humanism: A Correspondence from Two Corners // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. Yale, 1986. P. 346-357.

¹⁷ Fotiev Cyril. Ivanov's Letter to Charles Du Bos: Confessionalism and Cristian Unity // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. P. 358-366.

¹⁸ Stammler Heinrich. Vyacheslav Ivanov and Nietzsche // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. P. 297-312.

Anschuetz Carol. Ivanov, Critic of Modern Culture // Vjaceslav Ivanov: Russischer Dichter — europaischer Kulturphilosoph". Berlin, 1989. P. 15-34.

West James. Ivanov's "Minotaurs of the Mind": Myth, Ecstasy and Reason in Religious Experience // Vjaceslav Ivanov: Russischer Dichter — europaischer Kulturphilosoph. Berlin, 1989. P. 364 -378.

существующих исследованиях говорить не приходится. В свете этого обозначение в качестве задачи диссертации рассмотрение историко-софии Вяч. Иванова представляется вполне оправданным, поскольку такая попытка предпринимается впервые.

Источниковая база исследования. Проблематика работы определила круг привлекаемых источников. В первую очередь, это сочинения самого Вячеслава Иванова, его эстетические, критические и философские статьи, написанные в разные годы. Это работы, вошедшие в сборники «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1917), а также те, что были написаны уже после отъезда Вяч. Иванова за границу и стали доступны только благодаря брюссельскому изданию собрания его сочинений.

Использовались также работы Иванова, посвященные исследованию религии Диониса: опубликованный в журналах «Новый путь» (1904), «Вопросы жизни» (1905), «Русская мысль» (1913) курс лекций о Дионисе и книга «Дионис и прадиионисийство».

Что касается поэтического творчества, то в данной работе, представляющей Вячеслава Иванова в большей степени как мыслителя, Иванов-поэт практически не представлен. Соглашаясь с тем, что Иванов-поэт и Иванов-мыслитель составляют одно целое, я все же не считаю возможным в рамках представляемой диссертации специально останавливаться на поэзии Вяч. Иванова, в силу своего своеобразия требующей особого подхода и заслуживающей отдельного исследования¹⁹.

Поистине бесценными оказался труд Ольги Шор (О. Дешарт), ее «Введение» к Собранию сочинений²⁰ представляет собой не просто богатую фактами биографию человека, но и

¹⁹ См. работы С.С. Аверинцева: Аверинцев С.С. Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. И. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1976. С. 5-62. Аверинцев С.С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. — 1975. — № 8. — С. 145-192. Аверинцев С.С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст — 1989: Литературно-теоретические исследования. — М., 1989. С. 42-44.

²⁰ О. Дешарт. Введение // Иванов Вяч. Собр. соч. — Брюссель, 1971. С. 7-229.

является своеобразной «историей души», без которой многое в творчестве Вячеслава Иванова оказалось бы непонятным...

Дополняют «историю души» воспоминания детей Вячеслава Иванова — «Воспоминания» Лидии Ивановой²¹ и «Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым» Рафаэля Обера и Урса Гфеллера²², а также воспоминания современников и учеников, воспоминания людей, жизненные пути которых тесно переплелись или лишь слегка соприкоснулись с Вяч. Ивановым²³.

Еще одним интересным источником являются критические работы, выражающие отношение современников к творчеству Иванова²⁴.

Большую ценность имеют архивные материалы (дневниковые записи и разного рода биографические сведения, новые тексты и переписка Вяч. Иванова), введенные в научный оборот Н.В. Котрелевым, Г.В. Обатниным, А.Б. Шишкиным²⁵.

²¹ **Иванова Л.В.** Воспоминания. Книга об отце. — М.: РИК «Культура», 1992.

²² **Обер Р., Гфеллер У.** Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999.

²³ **Альтман М.С.** Разговоры с Вячеславом Ивановым. — СПб.: ИНАПИРЕСС, 1995. — 384 с.

Троцкий С.В. Воспоминания. / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 10. — С. 41-88.

²⁴ **Бердяев Н.А.** Очарование отраженных культур. В.И. Иванов // **Бердяев Н.А.** О русских классиках. — М., 1993. — С. 285-292.

Шестов Л. Вячеслав Великолепный // Шестов Л. Собр. соч. — В 2-х т. — М., 1993. — Т.1. — С. 243-277.

Брюсов В. Вячеслав Иванов // Далские и близкие. — М., 1912. — С. 120-134.

Белый А. Вяч. Иванов. Силут // Арабески. — М.: «Мусагет», 1911. — С. 468-479.

Пяст В. Вяч. Иванов // Книга о русских поэтах последнего десятилетия. — СПб-М.: 1909. — С. 265-275.

Степун Ф. Вячеслав Иванов // Иванова Л.В. Воспоминания. Книга об отце. — М.: РИК «Культура», 1992. — С. 373-392.

²⁵ **Иванов Вяч.** Неизвестные стихотворения и переводы (из рукописей Римского архива). / Публ. Д.В. Иванова и А. Б. Шишкина // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 10. — С. 7-21.

Иванов Вяч. Переписка с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925-1926) / Публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 10. — С. 257-280.

Методологическая база. В основание диссертации положен хронологически-проблемный подход, во-первых, позволяющий, осветить духовную эволюцию Вяч. Иванова, а во-вторых, способствующий адекватному пониманию основных идей Вяч. Иванова в разные периоды творчества.

Новизна и практическая значимость. В диссертации впервые предпринята попытка анализа историософии Вяч. Иванова.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в научной работе и преподавательской практике при разработке лекционных курсов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Обатнин Г.В. Из материалов Вяч. Иванова в рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. — Рос. АН, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом). — 1991. — С.45-56.

Обатнин Г.В. Неопубликованные материалы Вяч. Иванова. По поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица. Биографический альманах. — М.: 1993. — С.466-477.

Котрелев Н.В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1968. — Вып. 209. — С. 326-338.

Котрелев Н.В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» изд-ва М. И. Сабашникова. (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей. — М.: 1990. — С. 127-150.

Основное содержание работы.

Во введении обоснована актуальность темы, сформулированы цели и задачи исследования, характеризуется степень изученности творческого наследия Вяч. Иванова, дается краткая биографическая справка и предпринимается попытка периодизации творчества Вяч. Иванова.

Первая глава «**Общественные настроения рубежа XIX–XX веков и духовная эволюция Вяч. Иванова**» посвящена характеристике общественных настроений рубежа XIX–XX веков и направления духовного поиска Вячеслава Иванова. В этом контексте рассматривается формирование его представлений об основной проблеме своего времени и оформление идеи соборности — в том виде, как он ее понимал.

Появление идеи соборности в творчестве Вяч. Иванова связано с общим переживанием общественно-культурного кризиса рубежа веков. Иванов объясняет этот кризис категориями исключительно духовного порядка. Его занимает вопрос дальнейшего пути человечества — пути духовного развития или деградации. Для него нет сомнения в том, что история человечества имеет смысл и ценность, и кризис определен тем, что человечество забыло цель своего пути.

Цель эта — достижение человеком высокой степени духовности и на основе этого установление гармоничных отношений между людьми. Реализация этих отношений видится Иванову в идеале соборности.

Соборное единство предполагает принятие людьми, в него входящими, общих высших ценностей при сохранении неповторимых черт каждого отдельного человека и, таким образом, соборность решает проблемы времени, как их понимает Иванов: проблему индивидуализма, замыкающего человека в границах своего Я, и проблему коллективизма, нивелирующего личность.

Соборность — задание человечества, результат истории, иной, более высокий уровень духовного развития человека. Говоря о соборности, Иванов имеет в виду не просто новое устройство общества, а, в первую очередь, нового человека, ставя перед ним задачу превзойти себя в своем стремлении приблизиться к Богу.

И хотя сама идея соборности не принадлежала Вяч. Иванову, именно его Бердяев называет «теоретиком соборности», именно благодаря ему эта идея приобретает огромную популярность в России на рубеже веков — и причину такой популярности, наверное, нужно видеть именно в специально-ивановском понимании соборности, в дионисийском ее содержании... Иванов предложил новый путь достижения чаемой цели. Если соборность — это единение на основе свободы и любви, единение в Боге, то Дионис, показывающий, как душа открывается навстречу поиску Бога, и возвращающий современному человеку религиозное чувство, становится способом достижения этого единения. Невозможно единение без Бога, и невозможно истинное познание Бога без Диониса — так можно выразить credo Иванова на рубеже веков.

Вторая глава «Историсофия Вяч. Иванова» посвящена рассмотрению основных положений историсофии Вячеслава Иванова и состоит из трех разделов.

В первом разделе «Культура и свобода. Культура и миф» речь идет о культуре как ее понимает Вяч. Иванов.

Наиболее четко позиция Вяч. Иванова выражена в *Переписке из двух углов* — широко известном споре о ценностях культуры между М.О. Гершензоном и Вяч. Ивановым. Две точки зрения на культуру отражены в *Переписке*: понимание культуры как «системы тончайших принуждений», свойственное М.О. Гершензону, и противоположное ему переживание культуры как «живой сокровищницы даров», свойственное Вяч. Иванову. Но, по сути дела, предмет полемики — не собственно культура, а человек в культуре, соотношение стремления человека к свободе и накопленного веками культурного багажа.

Иванов не наделяет культуру абсолютной ценностью. Культура для него — своего рода способ достижения единства, и в той степени, в какой человек ощущает эту скрытую в культуре возможность, в такой степени культура ценна.

Ценность культуры определяется не благоговейно-антикварным почитанием прошлого, а способностью использовать

достижения прошлого и в какой-то мере способностью преодолевать время. Память — вот та сила, которая дает возможность вернуться к началу. Собственно, Иванов говорит не просто о «хорошей памяти», а о «воспоминании», «анамнезисе» — о «заново переживании» и сопереживании, соучастии в событиях прошлого.

Культура, понятая как «живая сокровищница даров», позволяет Иванову сделать вывод о том, что истинная свобода человека — свобода духа — достигается не отрицанием, но обретением. И культура в этом смысле — своего рода лестница духовного восхождения, и ни один шаг вверх здесь невозможен без шага вниз...

Убежденность в том, что воспоминание является необходимым условием духовного возрождения, Вяч. Иванов пытается найти способ «вспомнить истину» — исходя из этой задачи, следует рассматривать деятельность Иванова как теоретика символизма.

По мысли Иванова, через символизм искусство вновь возвращается к религии. Говоря о религиозной сути искусства, Вяч. Иванов настаивал на том, чтобы творчество раскрывало свой религиозный смысл и находило свой центр в мифе.

Но, говоря о необходимости возвращения к мифу, Иванов вовсе не имеет в виду простое воспроизведение старого — он говорит о создании нового мифа, ставя эту задачу перед символистами. Это создание — не искусственное конструирование, а обретение утраченного, воспоминание. Поэт в этом случае оказывается «органом народного воспоминания», через него «народ вспоминает свою древнюю душу и восстанавливает веками спящие в ней возможности»²⁶.

Будучи уверен в способности искусства влиять на жизнь, Иванов достаточно скоро признает ограниченность этого влияния и ставит задачей искусства не преобразование мира, но преобразование души.

Совершенно ясно, что служение искусства религии, о котором говорит Иванов, есть в то же время служение искусства человеку, помощь человеку в его полном духовном раскрытии.

²⁶ Иванов Вяч. Поэт и Чернь // Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971. — Т. 1. С. 712.

Второй раздел озаглавлен «Место дионисизма в историософии Вяч. Иванова».

Вяч. Иванов часто говорит о необходимости высвободить в человеке спящие в нем возможности, которые позволят осуществить духовное восхождение. Мечты о новой жизни для Иванова, как, пожалуй, и для многих его современников, — это мечты о новом человеке, человеке духовно преображенном. Для Иванова характерна уверенность в том, что духовное преображение совершается силами самого человека, и символом этих сил для Иванова является Дионис.

«Открытие» Диониса Ивановым состоялось благодаря Ницше, но Дионис Вяч. Иванова был не «эстетическим феноменом», а реальной, действующей силой, не «некоторым “что”», а «некоторым “как”».

Дионис, о котором говорил русский мыслитель, разрешал вопросы времени, позволяя человеку ощутить «избыток жизни» и «разрешая от уз индивидуации». Кроме того, решая проблему каждого человека в отдельности, Дионис оказывался способным решить проблему всего человечества, будучи возрожденным в современном мире.

Возрождение Диониса, о котором постоянно говорит Иванов, совсем не означает возрождения Диониса как бога. Под «возрождением Диониса» им подразумевается возрождение дионисийских переживаний, которые суть переживания экстатического порядка. Экстаз понимается Ивановым как основа всякой истинной религиозной жизни, и на этом основаны его слова о родстве дионисизма и христианства.

Истинная религиозная жизнь, настаивает мыслитель, возможна тогда, когда человек не пассивно воспринимает извне преподанные истины, а восходит к Богу — и возрождение Диониса для Иванова означает возвращение христианства к своим истинным «экстатическим истокам».

Свобода и единство, достигаемые на новом, более высоком, уровне духовного развития человека, возможны только с обретением Бога, и это обретение Иванов связывает с Дионисом, который понимается им как символ сил самого человека, творческое

начало, предопределяющее стремление к высшему духовному началу и позволяющее ощутить это «высшее Я» в себе. Именно таким Дионис займет свое место в историософии Вяч. Иванова.

Третий раздел «История: проекция на эмпирику» состоит из двух параграфов.

Параграф первый — «Некоторые аспекты европейской истории в интерпретации Вяч. Иванова» — рассматривает взгляды Вяч. Иванова на европейскую историю в целом.

Говоря о «кризисе гуманизма», о кризисе «человеческого, слишком человеческого» отношения к миру как основной проблеме современного общества, Иванов пытается проследить историю этой проблемы.

За основу взят принцип личности. Античность, не знавшая личности в современном смысле слова, сходна с «эдемским», младенческим состоянием человека. Утверждение личности, окончательно состоявшееся, по Иванову, в Средние века, оказалось своего рода «вторым грехопадением». Характерное для средневековья безусловное признание божественного выше человеческого сменяется в Новое время обратным — наделением человеческого безусловной ценностью. И тот, и другой пути признаются Ивановым ошибочными, и он говорит о третьем пути — пути *возрастания* до Бога, пути Богочеловеческом, полагая конечной целью исторического развития человечества становление Богочеловечества.

Второй параграф — «Вяч. Иванов об исторических судьбах России» — посвящен взглядам Вяч. Иванова на место России в мировом историческом процессе.

Начиная с 1910-х годов «русская проблематика» приобретает более отчетливое звучание в творчестве мыслителя.

В размышлениях о «русской идее» Иванов делает вывод о том, что стремление к соборности является основной характеристикой души русского народа, основой русской психологии он называет «особое чувство Христа» и «тягу к единению». Вяч. Иванов особо подчеркивает, что национальная идея есть идея религиозная, и назначение ее — во «вселенском служении». Называя русский народ «народом-богоносцем», он делает одну существенную оговорку: Россия может выполнить свою Богоносную миссию лишь в

том случае, если сама обретет Бога. И основная задача, стоящая перед Россией в эти смутные годы и есть задача обретения Бога. События 1910-х годов — войну и революцию — Иванов рассматривает именно с этой точки зрения: не как социальные или политические явления, но как явления духовного порядка.

Военное противостояние России и Германии приобретает мистическую окраску и рассматривается Вяч. Ивановым как противостояние между добром и злом, между Богом и Зверем.

Полагая, что будущее человечества стоит под знаком коллективизма, Иванов обеспокоен тем, что человечество может избрать путь неправого объединения, строящегося на принципе обезличения — объединения, которое он видит совершающимся в Германии. И России и славянским народам принадлежит решающая роль при определении выбора человечества — выбора в пользу соборности. В то же время Иванов не отрицает участия в «богоносном» служении военных союзников России, и рассматривает их и как союзников в положительном «всемирно-историческом делании».

Вяч. Иванов также особо отмечает, что единение становится возможным только тогда, когда народы разрешат свои собственные проблемы и противоречия. Если проблема Запада понимается им как проблема перерождения христианства в государство и начавшееся «неправое» объединение общества, то проблема Востока — это и «поглощение восточного православия державою кесаря», и проблема самоопределения, так и не решенная Россией.

Эта проблема не была решена ни в ходе Февральской, ни Октябрьской революций; будучи внерелигиозными, они не стали действительным перерождением России. Иванов был убежден в том, что революция, протекающая внерелигиозно, ведет не к возрождению России, а к ее духовной гибели, поскольку народ, забывший Бога, теряет свою душу.

События послереволюционных и предвоенных лет еще более укрепили его в мысли, что христианство есть единственная сила, способная спасти мир. В этой связи он обращается к проблеме церковного разделения и говорит о необходимости единения католической и православной церквей, полагая, что для того, чтобы стать объединяющей силой, христианство само должно объединиться.

В **заключении** подведены итоги и сформулированы основные выводы исследования.

Обозначив проблему своего времени как проблему кризиса индивидуализма, Иванов делает вывод о необходимости единения и называет свой идеал словом «соборность». Соборность — задание человечества, результат истории, иной, более высокий уровень духовного развития человека. Говоря о соборности, Иванов имеет в виду не столько новое устройство общества, сколько нового человека, ставя перед ним задачу превосхождения себя в стремлении приблизиться к Богу.

Иванов рассматривает историю человечества как путь, приближающий человека к Богу, и потому история человечества понимается им прежде всего как история человеческого духа.

Вероятно, именно поэтому в своих размышлениях Иванов крайне редко касается вопросов, связанных с какими-либо конкретными событиями, но это — не пренебрежение проблемами настоящего, а предпочтение вечного и неизменного временному и преходящему. Такая точка зрения имела свои недостатки, но, тем не менее, во многих своих «предчувствиях и предвестиях» Иванов не ошибся. Более того, оставаясь в чем-то очень важном навсегда принадлежащим XIX веку, Вяч. Иванов намного опередил свое время, и многие его размышления не только не потеряли своей актуальности, но только сейчас становятся вполне понятны.

Апробация работы. Ряд положений и выводов диссертации были изложены автором на Всероссийской научной конференции «Историческая наука на рубеже веков» (Томск, 1998), на заседании секции региональной научной конференции «Европейские исследования в Сибири» (Томск, 1999).

Содержание работы отражено в публикациях:

1. Бондарь О.П. Идея соборности в историософии Вяч. Иванова // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. — Вып. 23. С. 123-127.
2. Бондарь О.П. Духовный лик Европы: место европейских сюжетов в историософии Вяч. Иванова // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Материалы региональной научной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. — С. 124-128.

Лицензия ИД №04207 от 6.03.2001 г. Подписано в печать 29.08.2001 г. Формат 60x84/16. Бум. офсетная №1. Гарнитура «Таймс». Печать плоская. Усл. печ. л. 1,16. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство «Оптимум». Тел.: (832-2) 555-169.

Размножено ООО «Дельтаплан». Тел.: (832-2) 42-65-51.

102